

© Попков В.В.

Актуальність цих методологічних положень у контексті поставлених у статті завдань, на думку її автора, безсумнівна. Відзначаючи масштабність дезінтеграційних процесів у сучасній Україні, фахівці звертають увагу на те, що нові, тільки затверджені політичні структури не змогли запропонувати загальну для всіх ціннісну парадигму, а тому не забезпечили соціальну лояльність значної кількості членів суспільства. У підсумку в українському суспільстві поки не склалися структурно-функціональні передумови, які можуть гарантувати стабільний громадський порядок, адекватний демократичному суспільству.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Словарь иностранных слов / Составитель И. А. Васюкова. — М. : «Мысль», 1999. — С. 438.
2. Закон України від 05.04.2001 № 2365-III «Про політичні партії в Україні» // Відомості Верховної Ради України від 08.06.2001-2001 рр. — № 23. — стаття 118.
3. Зеркин Д. П. Политический конфликт и оппозиция / Д. П. Зеркин // Социально-политический журнал. — 2006. — № 5. — С. 89-107.
4. Підлуська І. Статус і права опозиції: порівняльний аналіз / І. Підлуська. // Вісник школи політичної аналітики. — 2003. — № 7. — 23-27.
5. Бирюков С. В. Легитимация статуса региональной политической власти / С. В. Бирюков // Вестник Моск. ун-та. — Серия 18. Социология и политология. — 1997. — № 4. — С. 41-45.
6. Гергун А. Проблема інституціоналізації парламентської опозиції: американо-європейський досвід та українські реалії / А. Гергун // Вісник школи політичної аналітики. — 2003. — № 7. — С. 7-18.
7. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; пер. с англ А. Т. Григорьева. — М.: Прогресс, 2001. — 880 с.
Стаття надійшла до редакції 14.01.2011

Попков В.В., профессор кафедры политологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова

УДК 168:18

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ Н. БЕРДЯЕВА.

В статті розкриваються основні методологічні обґрунтування М. Бердяєвим розробленої їм концепції персоналістичної революції. До числа цих обґрунтувань відносяться бердяївська інтерпретація „кінця історії”, його підходи до проблеми історичного прогресу, темі націй і національного мессіанства. Просліджується зв'язок бердяївської методології з сучасними трактовками буття суспільства і людини у ХХІ столітті.

Ключові слова: персоналістська революція М. Бердяєва, внутрішньоісторична ідея, вільне відкриття, вселюдність.

В статье раскрываются основные методологические обоснования Н. Бердяевым разработанной им концепции персоналистической революции. К числу этих обоснований относится бердяевская интерпретация «конца истории», его подходы к проблеме исторического прогресса, теме нации и национального мессиянства. Прослеживается связь бердяевской методологии с современными трактовками бытия общества и человека в ХХІ веке.

Ключевые слова: персоналистическая революция Н. Бердяева, внутриисторическая идея, свободное открытие, всечеловечность.

In the article the basic methodological substitutions of N. Berdyaev's concept of personalistic revolution are discovered. Berdyaev's interpretation of "the end of the history", his approaches to the problem of historical progress and to the theme of nations and national messianism are a part of such substitution. The relation of Berdyaev's methodology to the modern interpretations of existence of an individual and society in ХХІ century is followed.

Key words: Berdyaev's personalistic revolution, interhistorical idea, open discovery, pan-humanity

Николай Бердяев пришел к идее персоналистической революции в итоге многих социально-философских размышлений и анализа современных ему общественных процессов. Н. Бердяев подходил к этой проблематике в масштабе ключевых философских проблем, таких как проблема прогресса, эсхатологическая проблема «конца истории», тема исторической и эсхатологической судьбы личности, проблема нации как субъекта социально-исторического действия, проблема национального мессианства как своеобразной формы коллективной пассионарности.

Идею прогресса Н. Бердяев рассматривал как проблему, имеющую глубокие религиозные корни, связанные с традициями иудаизма с его представлениями о мессианском разрешении истории. Н. Бердяев прослеживает процесс постепенной секуляризации этих представлений, которые к ХУ1 – ХУ111 векам начинают обособляться от своих религиозных корней и превращаться в фактор географической, научно-технической, и социально-политической экспансии Западного мира по отношению к остальному миру в Новейшее время.

Оценивая идею исторического прогресса в философско-историческом аспекте, Н. Бердяев полагает, что учение о прогрессе есть промежуточное, временное учение, присущее в большей степени XIX столетию. Оно является отражением уровня самосознания европейского общества того периода.

Оценивая идею прогресса в футурологическом аспекте, Н. Бердяев прослеживает связь этой идеи с утопической идеей «земного рая», наступления состояния абсолютной человеческой жизни в относительных условиях истории. Именно на этой ошибочной посылке, по его мнению, основываются все социалистические и коммунистические утопии. Бердяев подчеркивает, что религия прогресса соединяет бесконечный оптимизм в отношении к будущему с бесконечным пессимизмом в отношении настоящего и прошлого. [3; 148].

Уже на данном этапе философского анализа Н. Бердяев всем прогрессистским проектам противопоставляет свое персоналистическое (экзистенциальное) видение истории. История им рассматривается не как «эскалатор», обеспечивающий восхождение к «светлым вершинам», а как трагическое самораскрытие, саморазвертывание внутренних начал бытия. В напряженном, деятельном разрешении этих внутрибытийных противоречий и состоит смысл исторической судьбы человечества. Каждое поколение имеет свой уникальный опыт раскрытия этих «внутренних начал бытия». Каждое поколение по-своему воспринимает Вечное и по-своему приобретает опыт познания Добра и Зла.

Примечательно, что персоналист Н. Бердяев скептически относился не только к идее прогресса, но и к идее исторического регресса, движения истории «вниз». Он считал, что и исторический оптимизм и исторический пессимизм являются двумя сторонами одного и того же предрассудка – исторического детерминизма. Оба они противостоят свободе. Любопытно, что именно эта мысль впоследствии легла в основу теории возникновения цивилизаций Арнольда Тойнби, идей известного германского социального философа Карла Поппера, обобщенных в книге «Нищета историцизма».

Сегодня в начале ХХ1 века еще более рельефно просматривается коммуникация идей Н. Бердяева с современными социальными философами, которые разрабатывают новый вектор самосознания, осознают новые состояния социальной психологии, которые они оценивают как переход от адаптации к преадаптации. В новом, современном контексте звучит бердяевская мысль о том, что человечество вышло из фазы органического ритма жизни и входит в ритм жизни технический. На этой фазе личность подвергается болезненной диссоциации. Теллурическому (укорененному в земле) периоду жизни человечества приходит конец. Наступает искусственный, механический период. О субъективном переживании принудительного темпа механистического мира пишет современный американский футуролог А. Тоффлер: «Ускорение темпа перемен – это не просто борьба индустрий или государств. Это конкретная сила, которая глубоко вошла в нашу личную жизнь, заставила нас играть новые роли и поставила нас перед лицом новой опасной психологической болезни. Ее можно назвать «футуршок». [5 ;11]

Однако вслед за периодом механицизма, по мнению Бердяева (при условии, если человечество до этого момента не истребит себя) грядет период космогонический. Он будет характеризоваться выходом личности и человечества из фазы искусственности к новой природности, естественности космического масштаба.

Именно этот радикальный переход от состояния механистичности, искусственности к новой космогонической естественности, и определяется Бердяевым как персоналистическая революция. Личность отрицает свою разъятость, механистичность, одномерность во имя целостности нового

уровня. Не она подчиняется порожденному ею механистическому миру, а перевоплощает этот мир и подчиняет его себе, новым практикам свободного и естественного развития. В этом контексте по-новому прочитывается известная максима Сократа: «чтобы стать естественным, сначала нужно стать неестественным». То есть, чтобы выйти к подлинной свободе и естественности, вырваться из принудительной ограниченности первобытного «естественного мира» нужно пройти фазу технико-механической «неестественности», довести ее до определенного максимума и преодолеть ее.

Методологически важной для разработки концепции «персоналистической революции» является постановка Н. Бердяевым вопроса о «конце истории». Отметим, что раскрытие этого философского вопроса Н. Бердяевым оказалось гораздо более глубоким и содержательным, чем позднейшие трактовки «конца истории», например, Френсиса Фукуямы. Через все творчество Бердяева проходит мысль о том, что ни один замысел, поставленный *внутри* истории, не удался. Ни одна *внутриисторическая* идея не была реализована, ни один социально-революционный проект не получил адекватного воплощения.

Этот приговор Н. Бердяева всем *внутриисторическим* замыслам получает свое подтверждение в работах современных социальных мыслителей. Так Д. Белл констатирует, что в условиях массового производства и массового потребительства воспитанный на гуманистической символике буржуазный мир, разрушил религиозную этику протестантизма. Начал активно насаждаться гедонистический стиль жизни. А это, в свою очередь несет угрозу разрушения западной деловитости – основы жизнедеятельности западной цивилизации. Российский философ А.С. Панарин констатирует саморазрушение личности в условиях возрастающей технократизации современного постиндустриального мира. Срабатывает «вторичная дезадаптация», люди утрачивают смысл жизни, отвращаются от реальности. В этих высказываниях просматривается прямое или косвенное подтверждение во-первых, бердяевской мысли о вступлении мира в механистическую «фазу разъятости» и во-вторых, тезис о принципиальной неудачливости любых *внутриисторических* замыслов.

В числе исторических неудач Бердяев видит и полную историческую неудачу социализма. Бердяев полагал, что социализм будет играть большую роль в истории XX столетия, однако «в опыте осуществления своего будет совсем не тем, к чему социалисты стремятся». [См.: 3; 155]. Этот бердяевский тезис имеет непосредственное отношение к социальной практике конца XX – начала XXI века.

В русле концепции неудач *внутриисторических* замыслов Н. Бердяев рассматривает и тему социальных революций. Философ считает их важным и внутренне неминуемым моментом в судьбе народов. Однако ни одна революция не смогла решить те задачи, которые были перед ней поставлены. Плодотворным элементом всех революционных эпопей остается только опыт исторических неудач, которые следовали за революциями.

Анализируя все эти исторические неудачи, Н. Бердяев ставит вопрос об их причине. Ответ он видит в том, что на протяжении всей истории не была решена проблема сущностных отношений между человеком и Богом. Все, что человек делает во имя Бога из страха, принуждения или корысти, не является сущностными отношениями с Богом. Все это – «знак антихриста». Только свободное откровение личности, свободное ее творчество может быть воспринято Богом и является Его ожиданием. В XX столетии эта трагическая дилемма, проблема выбора между принудительным (и потому ложным) Богом и истинным Богом *свободного откровения* приобретает предельную заостренность. Примечательно то, что в антихристе Бердяев видит не старое зло, наследие первоначальных стадий истории, а новое зло, зло грядущих столетий, которое представляется гораздо более страшным. « В грядущем, - пишет Бердяев, - предстоит небывалая борьба добра и зла, Бога и дьявола, света и тьмы» [3; 159]. Н. Бердяев предчувствует наступление принудительности, духовной регламентации и несвободы, поклонений из страха старым и новым богам.

Н. Бердяев видит выход из этой трагической ситуации в единственно оправданной *персоналистической революции*. В бердяевской символике она выглядит как вхождение «земной истории» в «историю небесную», повторение в новых условиях и с новым историческим содержанием того, что было на заре человечества. Ключом к пониманию персоналистической революции является бердяевский закон соотношения свободы и духа: свобода должна увеличиваться по мере приближения к духу и уменьшаться по мере приближения к материи. *Максимальная свобода есть свобода духовной жизни, минимальная свобода есть свобода материальной жизни.* [См. 2; 489].

В рамках такого методологического подхода история рассматривается как совокупная

человеческая судьба. И этой судьбой люди должны распоряжаться самостоятельно и свободно. В таком понимании истории заложены основы выхода из затяжной полосы неудач и трагедий. Этот выход и рассматривается Н. Бердяевым как конец истории.

Методологически значимой является и бердяевская концепция нации. Принципиальным является его положение о том, что безнациональное человечество невозможно. Человечество не может сформироваться путем ликвидации наций и национальных культур. Человечество не может быть отрицанием наций. Наоборот, полнота человечества определяется полнотой и разнообразием наций. Тем самым Н. Бердяев одинаково отбрасывает и космополитизм и радикальный национализм. Главным действующим субъектом истории у Бердяева является не класс, не партия, а нация. Нации, национальная жизнь всегда являются позитивным обогащением бытия. Принцип неуничтожимости наций заложен в качестве основного принципа бытия личности.

С этих же методологических позиций рассматривается и проблема культуры. Подобно тому, как жизнь человечества не может состояться без жизни наций, так и общечеловеческая культура немислима без национальных культур. Настоящая культура всегда является конкретно-человеческой, а следовательно национальной, индивидуально-народной. Только наименее творческая. Техническая сторона культуры может быть не национальной, способной легко транспортироваться от одного народа к другому. Денационализация, стерилизация национальных истоков является уничтожением творческого источника культуры.

Однако это не означает, что национальные культуры должны быть самозамкнутыми. Смысл их жизни и развития заключается в их направленности на общечеловеческие ценности. Национальное и общечеловеческое в культуре не могут быть противопоставлены друг другу. Здесь Бердяев вводит категорию *всечеловечности* которая является снятием конфликта между понятием национализма и понятием космополитизма. Нужно быть в национальности, брать участие в ее творческом жизненном процессе, чтобы войти в творческий жизненный процесс всего человечества. Творческий национальный путь и есть путь к всечеловечности. Принцип неуничтожимости наций заключен в принципе жизни человека, как отмечает Л. Гумилев, человек вместе со своим этническим коллективом ... сопричастен биосфере. Вечно меняясь, умирая и возрождаясь, как все живое на нашей планете, он оставляет свой след путем свершения событий, которые оставляют скелет этнической истории – функции этногенеза» [4; 343].

Всесторонне проработав категорию нации, Бердяев вновь возвращается к теме конца истории как «исхода из истории». Он полагает, что в авангарде «исхода» из истории будут не те народы, у которых наиболее устроена производственно-экономическая жизнь, не те, которые отягощены соблазнами потребительства, а те народы, которые наиболее настроены на волну всечеловечности. Именно с этих позиций Бердяев рассматривает тему национального мессианства.

Религиозные корни мессианства просматриваются уже в сознании еврейского народа. Мессианской силой наделено христианство. Для христианства уже нет различий между эллином и иудеем, между римлянином и галлом. Признавая существование рас и национальностей, как данных от Бога, христианство становится религией спасения всех народов. Н. Бердяев считает, что своеобразной попыткой мессианства была история польского народа. Однако особенности исторического бытия мессианской идеи заключаются в том, что она может оторваться от своих религиозных корней и превратиться в катализатор национально-геополитических притязаний, может превратиться в крайний национализм.

Так в германском мессианстве Бердяев замечает сильный расовый оттенок с примесью биологизма. Германский народ, в том его облике, который наблюдал в начале XX века Н. Бердяев, на своих духовных вершинах осознает себя не носителем Духа Христова, а носителем высшей уникальной духовной культуры. Отсюда, считает Бердяев, и произрастают идеи об исторической миссии германской расы.

В творчестве Н. Бердяева есть и размышления об особенностях русского мессианства. Он отмечает, что в российской истории не было здорового русского самосознания и здорового национального чувства. Всегда был надрыв, эксцессы самоутверждения или самоотрицания. В силу этого образ России является крайне противоречивым и раздвоенным. С одной стороны – попытки утверждения крайнего русского национализма, который ведет к отрицанию русского мессианства, с другой стороны полное отрицание национализма во имя какой-то особенной исторической миссии. Бердяев так подытоживает свои размышления: «На путях к новой жизни, к духовному возрождению русскому народу предстоит пройти через смирение и покаяние, через суровую самодисциплину духа». [1; 140]. Общий вывод рассуждений Бердяева таков: истинное мессианство всегда является

отрицанием национализма. Оно не нацелено на подавление других наций, наоборот, стремится к их спасению.

Бердяевская проблематика «конца истории» весьма созвучна современным концепциям постцивилизации. Идея постисторического мира, настроенного на высшие «матричные» формы бытия, центром которого является конкретная личность, сохраняющая свою национальную самоидентификацию, является чрезвычайно востребованной сегодня.

Подводя итоги анализу методологических основ бердяевской концепции персоналистической революции, можно сделать следующие выводы:

1. Персоналистическая революция в философской интерпретации Н. Бердяева не является «одной из ряда» социальных революций. По своей интенции она является прямой противоположностью всем этим революциям. И это потому, что все эти революции носят **внутриисторический** характер, а, следовательно, обречены на неудачу. Персоналистическая же революция является процессом выхода из исторического во внеисторическое время, то есть, говоря языком Бердяева, перехода из «земной истории в историю небесную». Субъектами традиционных революций были классы, партии, группировки подчинявшие личность своим идеологиям. Субъектом персоналистической революции является личность в полной мере осознавшая свою свободу, свое одиночество, всю безграничность духовного творчества. Удача персоналистической революции в отличие от неудачливых социальных революций заключается в освобождении от всех исторических условностей, ограничений и глупостей, которые уводят людей по ложным путям. Но такая революция возможна только на определенном этапе развития мировой цивилизации, на определенном этапе научно-технического, информационно-коммуникативного развития. Стимулом этой революции может стать мультифакторный глобальный кризис, свидетельствующий о полном исчерпании средств, которые может предоставить история. Став отрицанием этой цивилизации, персоналистическая революция «впитывает ее в себя», перевоплощает ее, осуществляет ее «перецентрировку» от целей внешних, внечеловеческих к целям внутрочеловеческим, целям неограниченной духовной свободы. Этот процесс в бердяевской символике выглядит как свободное «откровение человека Богу» и «свободное откровение Бога человеку».

2. Центральной в социально-философском мышлении Н. Бердяева является тема «конца истории», точнее, завершения истории. Эта тема перекликается с концепцией «осевого времени» другого известного философа-экзистенциалиста К. Яспера. У Яспера историческая «ось» начинается тогда, когда личность «покидает рай» своего первоначального блаженного неререфлективного состояния и вступает на долгий путь испытаний своей самостоятельности, своего одиночества и своей свободы. На этом пути он пытается конструировать подвиги «покинутого рая». Созданные им искусственные целостности (империи, диктатуры, демократии) не приносят ни гармонии, ни счастья, ни свободы. Все они рано или поздно распадаются, вытесняются другими «эрзац-раями». В конечном итоге исчерпываются все исторические ожидания, все исторические идеологии и все иллюзии. Остается только преодолеть историю и шагнуть дальше. И если доисторический мир был миром неосознанной счастливой несвободы, неререфлективности и слитности, то постисторический мир по своим интенциям ожидается как мир счастливой осознанной свободы, раскованной рефлексивности и свободного духовного творчества. Промежуток между этими мирами и есть история, как путь преодоления несчастливой несвободы, борьбы свободной рефлексивности и творчества против всевозможных поработавших форм и ловушек, возникающих на историческом пути.

3. На фоне масштабной эсхатологической картины мировой истории, созданной Н. Бердяевым, вполне логично, что тема исторического прогресса в бердяевской интерпретации будет иметь весьма специфический характер. Действительно, Бердяев относился к теме прогресса весьма критически. Во-первых, он критиковал идеологию прогресса за ее аморализм, поскольку идея прогресса подразумевала естественность и логичность роли существующих поколений только как удобрения для поколений будущих. Тем самым идея прогресса игнорировала факт самоценности и уникальной самобытности поколений существующих. Во-вторых, Бердяев расценивал идею прогресса как временную, ограниченную только рамками истории. С завершением истории идея прогресса потеряет всякий смысл. Единственное, что Бердяев признавал в качестве категории, раскрывающей смысл истории является категория развития. И применяя эту категорию, Бердяев видит эволюцию человеческого мира от так называемого теллурического (земного) состояния через состояние механистическое к состоянию космогоническому. Последнее состояние и есть выход из истории. Переход к космогоническому состоянию и есть персоналистическая революция.

© Попов С.М.

4. В контексте общей проблемы конца истории и персоналистической революции как способа «исхода из истории» Н. Бердяев видит проблему нации. Нация с точки зрения Н. Бердяева является своеобразной «исторической константой», она проходит по всему течению исторического процесса и является непосредственной средой формирования личности. Не может быть безнациональной личности, как и безнационального человечества. Через освоение национального мира и национальной культуры личность осваивает общечеловеческую культуру и общечеловеческий мир. Эти механизмы освоения, развоплощения и перевоплощения являются психологической основой персоналистической революции.

5. Во всем многообразии наций Н. Бердяев выделяет нации мессианского типа – те, которые не замыкаются в радикальном национализме и не стремятся к подчинению себе других наций. Мессианскими нациями Бердяев называет те, которые открывают перед многонациональным человечеством новые горизонты бытия, которые стремятся к освобождению других. В среде мессианских наций в первую очередь и сможет зародиться первоначальный потенциал персоналистической революции. Они могут оказаться источником глобального процесса перевоплощения социально-исторического мира.

6. При комплексном рассмотрении бердяевская концепция персоналистической революции выглядит так. История имеет свое начало и свое завершение, свой исход. Ее содержание – это прохождение основных фаз общественной эволюции – теллурический период, период механицизма и постисторический период – космогонический. В фазе перехода к космогоническому периоду в человеческом сообществе, которое представляет собой пеструю многонациональную мозаику, начинается процесс вызревания предпосылок персоналистической революции, которая по своей интенции является отрицанием всех внутриисторических революций. Начинается процесс подготовки к переходу в новое общественное состояние, которое станет отказом от всех принципов и законов, на которых строится мир несвободы и принуждения. Этот процесс в первую очередь начинает проявляться в мессианских нациях с их эсхатологическим настроением и мировой отзывчивостью.

Такова в общих чертах методология персоналистической революции Николая Бердяева.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев. — М. : Захаров, 2001 — 173 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России / Н. А. Бердяев. — М. : Сварог, 1997 — 541 с.
3. Бердяев Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. — М. : Мысль — 174 с.
4. Гумилев Л. Конец и вновь начало / Л. Гумилев. — М. : Рольф, 2002. — 384 с.
5. Тоффлер А. Футуршок / А. Тоффлер ; пер. с англ. П. Л. Иванченко. — СПб. : Лань, 1997. — 461 с.

Стаття надійшла до редакції 16.12.2010

Попов С.М., кандидат технічних наук, доцент, доктор філософії (Ph.d), старший науковий співробітник Запорізького національного технічного університету.

УДК 304.2:316.4

ГОМЕОСТАЗ ЯК МЕХАНІЗМ САМОРЕГУЛЯЦІЇ СОЦІАЛЬНОЇ СИСТЕМИ

В статті дається аналіз досягнення гомеостазу в управлінській системі, що представлено як складне і суперечливе явище, понятєво-категоріальний апарат гомеостазу, умови досягнення авторегуляції за рахунок зовнішніх зв'язків, що урівноважують систему; досліджується механізм саморегуляції соціальної системи.

Ключові слова: гомеостаз, рівновага, зовнішні зв'язки, аттрактор, непередбачуваність системи, соціальний гомеостаз, механізм соціальної системи.

В статье дается анализ достижения гомеостаза в управленческой системе, который представлен как сложное и противоречивое явление, понятийно-категориальный аппарат гомеостаза, условия достижения авторегуляции за счет внешних связей, которые уравнивают социальную систему; исследуется механизм саморегуляции социальной системы.

Ключевые слова: гомеостаз, равновесие, внешние связи, аттрактор, непредвиденность